

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ

И.В. Ивлева

К ПРОБЛЕМЕ ПАМЯТИ, ВОСПОМИНАНИЯ И ЗАБВЕНИЯ В КУЛЬТУРЕ

Рецензия на книгу: Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛО, 2014. — 324 с. ISBN 978-5-4448-0146-8.

В 2014 г. на русском языке вышла работа немецкой исследовательницы Алейды Ассман, посвященная изучению процессов воспоминания и забвения в культуре. Основное внимание в ней уделяется памяти о Холокосте, Второй мировой войне и отношению к ним в современной Германии. Впервые эта книга вышла в свет в Мюнхене в 2006 г. Алейда Ассман — историк и культуролог, в свое время изучавшая англистику и египтологию и защитившая диссертацию по теории литературы, пока мало знакома русскоязычному читателю. Между тем она является автором серии работ, затрагивающих вопросы памяти. Проблематикой культурной антропологии Алейда Ассман стала заниматься лишь в 1990-е гг. Среди ее работ по данной тематике можно отметить следующие: «Работа над национальной памятью» (1993), «Рамки памяти» (1999), «Культурная память на пороге тысячелетия» (2004), «На пути к европейской культуре памяти» (2012), «Культурная память и западная цивилизация» (2012). Кроме указанных работ, А. Ассман была редактором ряда сборников по истории культуры вместе со своим мужем и коллегой Яном Ассманом.

Рецензируемую работу можно отнести к области исторической антропологии и культурной истории. Это весьма современная книга о прошлом и его сегодняшней интерпретации, которая порой бывает провокационной и вызывает бурные дискуссии. Как пример возникающих контrovers уже в начале книги А. Ассман приводит случай, когда в 2002 г. на Бранденбургских воротах в Берлине был размещен плакат с надписью «Холокоста никогда не было», вызвавший острые споры (с. 10). Таким образом, книга открывает целый пласт значимых и болезненных для немцев моментов не только человеку, поверхностно знакомому с немецкой культурой или являющемуся представителем страны-победителя в той войне. Дело в том, что, как пишет А. Ассман, триумф и травма неразрывно связаны в памяти немцев (с. 10).

Ивлева Ирина Владимировна — кандидат социологических наук, преподаватель кафедры культурной антропологии и этнической социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (irina_ivleva07@mail.ru)

Ivleva Irina — Candidate of Science (Sociology), Lecturer, Chair of Cultural Anthropology and Ethnic Sociology, Faculty of Sociology, St. Petersburg State University (irina_ivleva07@mail.ru)

В то же время автор этой книги подчеркивает, что она не претендует на то, чтобы внести вклад в изучение Холокоста и Второй мировой войны. Ее в первую очередь интересует последующее восприятие данных событий и то, как разделяется или замалчивается коллективный опыт, как он приобретает публичное признание и реконструируется, какова динамика индивидуальных и коллективных воспоминаний, отягощенных травматическим прошлым (с. 11, 13). Тем самым автор поднимает вопросы, которые, с одной стороны, обсуждаются публично, а с другой, нередко табуируются.

Книга А. Ассман хорошо структурирована, она состоит из предисловия, введения, двух частей, включающих одиннадцать глав, и заключения. В теоретическом отношении А. Ассман поставила перед собой несколько задач: во-первых, объединить различные дисциплинарные подходы в рамках общего мемориального дискурса и тем самым способствовать его междисциплинарной интеграции, во-вторых, четко определить центральные понятия мемориального дискурса, в-третьих, связать теоретическую работу с рассмотрением конкретных фактов новейшей истории (с. 14).

Первая часть книги содержит две главы, в которых прорабатываются теоретические основания работы. В них автор подробно останавливается на понятиях индивидуальной, социальной, коллективной, политической, культурной памяти. Несмотря на эфемерность и ненадежность индивидуальной памяти, именно благодаря ей человек становится человеком. Она необходима для формирования собственной идентичности, равно как и для взаимоотношений с другими людьми. В то же время, как пишет А. Ассман, большая часть воспоминаний «дремлет» в нас, и требуется определенный импульс для их пробуждения (с. 20). В этой связи она прорабатывает свою терминологию, выделяя различные типы воспоминаний и характеризуя их. В случае с социальной памятью можно сказать, что она имеет ограниченный временной горизонт, служит как своего рода «оперативная память» общества и имеет медиальную основу в виде книг, фотоальбомов, дневников. Но она сохраняется живой, лишь когда актуализирует прошлое в разговоре внутри достаточно интимного контекста. С другой стороны, А. Ассман отмечает, что понятие социальной памяти распространяется также на неприметное, непреднамеренное и спонтанное транслирование истории (с. 25). Под коллективной памятью с начала 1990-х гг. стали понимать то, что в 1960-1970-е гг. называлось мифами и идеологиями (с. 27). Коллективная память имеет опору в символах, закрепляющих воспоминания для будущего. Коллективная и культурная память основываются на ресурсах опыта и знаний, отделяемых от живых носителей и переходящих на информационные носители. Особое внимание А. Ассман уделяет культурной памяти, которая воплощается в текстах, изображениях, монументах и ритуалах и не имеет временных границ (с. 32). Наконец, политическая, или национальная память, закрепляемая политическими институтами и воздействующая на общество сверху, является долговременной и довольно унифицированной конструкцией (с. 35). В то же время сама автор отождествляет в своей книге коллективную память с политической, или национальной. Для конструирования национальной памяти конститутивное значение имеют забвение, отсылки к прошлому для кон-

солидации нации и тот факт, что страдания и траур консолидируют сильнее, чем триумф и успех (с. 41). Не вдаваясь в дальнейшие детали определений, хочется отметить, что первая глава, несомненно, заслуживает внимания и может быть интересна тем, кто хочет прояснить для себя суть обсуждаемых категорий. В этой главе автор ссылается на различных исследователей памяти (в особенности на С. Зонтаг, Р. Козеллека, Э. Ренана, М. Хальбвакса, П. Нора).

Заметный акцент в работе А. Ассман сделан на процессе забывания прошлого, забвении, избавляющем от болезненных переживаний и освобождающем место для нового. Для общества, настроенного на модернизацию, забвение становится центральным элементом культуры (с. 51). Но, помимо этого, также существует стремление к увековечиванию некоторых событий прошлого. Сохранение в памяти со временем требует все больших усилий, особых институций и средств. Ассман, по сути, исследует динамику припоминания и забвения. Как более жесткие формы забвения она выделяет отбор, отбрасывание и уничтожение, как более мягкие — пренебрежение, деформацию, потерю (с. 52). А. Ассман описывает то, как память сохраняется благодаря вещам и реликтам, попадающим в музей, архив или научную библиотеку. В то же время содержимое культурной памяти, которое усваивается следующими поколениями, требует постоянного истолкования, обсуждения и обновления (с. 58).

Во второй главе автор делает акцент на исторических условиях, стратегиях конструирования памяти и механизмах индивидуальной и коллективной памяти. По ее мнению, важно, кто вспоминает и как, что вспоминает, кто пишет историю. Она делит вспоминающих на победителей и побежденных. Здесь следует иметь в виду, что национальная память может включать в себя не только славные победы, но и поражения. Память побежденных обычно заряжена чувствами стыда и позора. Таковой она была для немцев после Первой мировой войны и Версальского мира (с. 68). Однако в 1945 г. национальная память немцев предстала как память преступников, совершивших масштабные злодеяния. На первое место вышел дискурс преступления и травмы (с. 69). Таким образом, в данном случае речь идет уже не только о победителях и побежденных, но и о преступниках и жертвах. Травматический опыт жертв порой получает признание лишь спустя несколько десятилетий после случившегося. Со временем произошел своего рода этический поворот, благодаря которому жертве стали пытаться вернуть ее человеческое достоинство (с. 84). Если цель преступника состоит в табуизировании преступления, то целью жертвы становится терапевтическая проработка воспоминаний. Но можно также говорить и о значимости фигуры свидетеля. Как отмечает автор книги, по мере того как ужасы Холокоста уходят в прошлое, мы не только не удаляемся от них, но переживаем их все острее (с. 98). Нужно отметить, что понятие травмы, применяемое к этому прошлому, вошло в обиход психиатрии лишь с 1980 г. Терапия травм основана на том, чтобы высвободить травму за счет ее артикуляции и сделать частью сознательной идентичности человека (с. 99). А. Ассман считает проблематичным говорить, к примеру, о травме преступника, однако она полагает возможным вести речь о травме вины последующих поколений немцев, которые берут на себя ответственность за преступления отцов и дедов. Однако странным образом есть

параллели в том, как преступники и жертвы реагировали на травму Холокоста. В первые пятнадцать лет после войны вообще не возникало потребности в широком обсуждении тех событий. Травматическое прошлое замалчивалось, табуизировалось, чтобы не мешать новой жизни (с. 103–104). Причем это было характерно не только для Германии. Американское общество также оказывало давление на людей, побывавших в немецких лагерях смерти, и принуждало их к молчанию, тогда как Израиль попросту не слышал своих сограждан, переживших Холокост. Сдвиг в восприятии жертв тех событий произошел в конце 1970-х гг. в связи с трансляцией американского сериала «Холокост», который посмотрело большое число зрителей также и в Германии (с. 106). Это понятие стало ключевым в общественном и научно-историческом дискурсе. Молчание было нарушено представителями следующего поколения. Как полагает автор книги, ответственность за преступления против человечности не исключает возможности выстраивания национальной идентичности. И, судя по всему, это значимый вопрос для немцев. В сравнении с новыми формами признания вины и обращения к негативным воспоминаниям проблема отрицания вины в Германии ныне утратила свою значимость (с. 119, 121).

Во второй части книги, включающей девять глав, автор книги сосредоточивается на анализе процессов увековечивания и забвения прошлого, основываясь на многочисленных примерах. В этой части она нередко опирается на идеи Г. Грасса, известного писателя, участника и свидетеля тех исторических событий, Р. Козеллека и других мыслителей. В третьей главе автор книги, по сути, продолжает свое исследование памяти, разрабатывая понятия «я-памяти» и «меня-памяти», «вспышечных воспоминаний», отмечая процессы искажения и подгонки воспоминаний под текущие обстоятельства и т. п. В четвертой главе А. Ассман описывает случаи Ганса Шнайдера-Шверте и Бруно Дессекера-Биньямина Вилкомирского. Первый в рамках одной биографии реализовал две разных идентичности. При нацистском режиме он сделал блестящую карьеру как ученый-германист и гауптштурмфюрер гиммлеровской организации «Аненэрбе». Он был одним из главных идеологов нацистского индогерманского мифа. В послевоенный период под новым именем он снова защитил две диссертации и занял кафедру германистики Аахенского высшего технического училища, стал также ректором, вторично женился на своей жене и вновь стал отцом своих детей (с. 151–152). Второй, Бруно Дессекер, написал биографию человека, пережившего Холокост, получившую восторженные отклики, но, как потом выяснилось, никогда не был в лагерях смерти и рос в благополучной буржуазной семье, хотя и был усыновленным ребенком (с. 154–155). В этой связи автор книги говорит о том, что на память воздействуют аффекты. Она не только инкорпорирует и интегрирует, но и исключает из своего состава определенные содержания (с. 163).

В пятой главе описывается случай Филиппа Йенингера, председателя бундестага, которого упрекнули в том, что он в 1988 г. в своей речи спустя пятьдесят лет после «Хрустальной ночи» не использовал слово «скорбь». Скандал вызвала сама форма подачи его доклада (с. 176–178). В шестой главе обсуждаются такие стратегии вытеснения, или оправдания, как взаимный зачет вины, экс-

тернализация (или отрицание собственной вины, приписывание ее другому), пробелы, замалчивание и фальсификация. Основным способом отрицания вины для многих немцев была ссылка на обязанность исполнять приказы или ссылки на преступную верхушку (с. 186).

В седьмой главе А. Ассман останавливается на жертвенных нарративах самих немцев. Здесь автор подчеркивает, что невозможно заставить людей не помнить о чем-то. Точнее говоря, она ведет речь о праве человека на собственные воспоминания, которые не подлежат табуизированию и цензуре. Память, о которой не принято говорить публично, может сохраняться и транслироваться через семью. Например, здесь можно вспомнить реже транслируемые в СМИ сообщения о ковровых бомбардировках Германии, массовых изнасилованиях немецких женщин и принудительной депортации немцев из Восточной Европы. Это память, о которой немцы также помнят, но которая не всегда получает признание. Тем более эта память может вызывать отторжение и не признаваться в России. В то же время такие немецкие авторы, как Грасс, Зебальд, Форте, способствуют возвращению табуированных воспоминаний в коммуникативную среду. Поднимая данную проблематику, Грасс показывает, что память о страданиях беженцев не может быть вытеснена памятью о жертвах Холокоста.

В восьмой главе А. Ассман поднимает вопрос о том, что же будет с памятью о Второй мировой войне и Холокосте, когда уйдут из жизни носители живых воспоминаний. В ней она показывает, каким образом пересекается живая память с культурной памятью. Посредством репрезентации воспоминание и личный опыт становятся коммуницируемой информацией (с. 227). А. Ассман отмечает, к примеру, успех фильмов о Холокосте, которые стали важной частью культурной памяти (с. 231).

В девятой главе речь идет о мемориалах Холокоста, появившихся в Германии после 1990 г. и отражающих своего рода национализацию негативной памяти, или памяти преступника (с. 238–239). По сути, это травматические места, пронизанные различными воспоминаниями. Помимо этих мест, особое значение для стабилизации воспоминаний имеют травматические годовщины, о которых также пишет автор книги.

Десятая глава посвящена вопросу о том, сохранится ли в будущем память о Холокосте. Здесь А. Ассман отмечает, что неоднократно высказывалась мысль о его невыразимости. Эли Визель, по ее словам, обвинил компанию NBC, выпустившую сериал «Холокост», в том, что событие онтологической важности было превращено в «мыльную оперу» (с. 257). Тем не менее, можно говорить и о том, что все же Холокост утвердился в средствах массовой информации, но его репрезентация окончательно не определена. По мнению А. Ассман, СМИ, хотя и дают важные импульсы для культурной памяти, но не создают ее. В будущем она видит опасность в возможности истощения реального содержания памяти о тех событиях.

В одиннадцатой главе речь идет о европейских идентичностях и Холокосте как европейском прошлом. В настоящее время в Европе предпринимаются шаги, чтобы закрепить общую память о нем и сделать ее основой европейской идентичности. В то же время восприятие Холокоста не везде одинаково, однако

в Европе национальные образы истории смещаются в сторону более комплексной картины прошлого.

В заключение следует сделать несколько замечаний. Представляется, что подзаголовок к названию работы недостаточно отражает ее суть. На самом деле эта книга гораздо богаче по своему содержанию. В то же время читателю не всегда понятна «изнанка» исследования, каким образом автор приходит к определенным выводам, почему она идет именно таким путем, а не каким-то иным. Кроме того, возникает ощущение, что существует целое множество видов памяти и воспоминаний, что можно в них запутаться, хотя кто-то, напротив, сможет открыть для себя новые исследовательские перспективы.

Однако сделанные замечания ни в коей мере не умаляют достоинств рецензируемой книги. Данная работа поражает своей глубиной. Хотелось читать ее дальше и дальше, но, к сожалению, любая книга когда-нибудь заканчивается. Наконец, нужно особо отметить доступный и блестящий стиль изложения автора, а также добротный выполненный перевод. Эта работа может быть интересна не только специалистам.